

М.А. Фельдман

д. ист. н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

ВТОРОЙ ПЛЕНУМ СОВЕТА ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРЕ ТЯЖЁЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР: РЕТРОСПЕКТИВА (25–29 июня 1936 г.)

Аннотация. В статье анализируется работа Второго Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР (25–29 июня 1936 г.). Рассматриваются различные подходы представителей советского руководства к стахановскому движению. Сделан вывод, что, если для руководства НКТП стахановское движение выступало началом поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи, то для Сталина и его ближайших сподвижников оно было уже итоговым результатом предшествующего роста культурно-технического уровня рабочих, а вся масса промышленных рабочих обязана была работать на уровне стахановских рекордов. Участники Второго Пленума, включая наркома, фактически осудили целый ряд мифов, окружающих экономическую политику государства, говорили о массовом саботаже инженерами и техниками развития стахановского движения, о самой практике постановки «стахановских рекордов», о тяжести их последствий. Развенчивался миф о самом стахановском движении как «высшей форме организации труда». Указание на масштаб бесхозяйственности в промышленности СССР, на низкое качество выпускаемой продукции не имели ничего общего с тезисом о заведомом превосходстве «социалистической индустрии над капиталистической». В экономическую теорию были внесены положения, которые станут основой будущих реформ. Государственная программа обязательного технического обучения рабочих, стартовавшая в 1936 г., обрела отчётливые очертания в предвоенные годы.

Ключевые слова: *стахановское движение, рабочие, специалисты, пленум, партия, промышленность, директора.*

JEL: B24, N44.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

Стахановское движение: цели, задачи, подходы

Декабрьский (1935 г.) Пленум ЦК ВКП(б) единственный раз в истории Коммунистической партии рассмотрел проблемы организации труда и технической учебы рабочих. В резолюциях этого Пленума¹ отразились весьма противоречивые, даже противоположные цели, задачи, подходы к развитию стахановского движения. Это выявилось уже в ходе его работы.

Обращает на себя внимание противоречие между высказыванием на Пленуме наркома Народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР (НКТП) Г.К. Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учётом мнения самих рабочих², и словами верного сподвижника Сталина, секретаря

¹ Резолюции Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

² Доклад Г.К. Орджоникидзе на Декабрьском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

ЦК ВКП(б) А.А. Андреева — «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам»³. То есть, если для руководства НКТП стахановское движение начиналось с модернизации рабочих мест для всех рабочих, то для Сталина — с «освобождения (определённой сверху) части квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы»⁴.

Для руководства НКТП стахановское движение было нацелено на *освоение новой техники за счёт научной организации труда, механизации производственных процессов и программы обязательного технического обучения рабочих*. Анализ источников позволяет сделать вывод о планах НКТП и его руководителя — Орджоникидзе — обучить основную массу промышленных рабочих на курсах повышения квалификации к 1942 г., и на КМСТ (курсах мастеров социалистического труда) — к 1947 г. КМСТ создавались для наиболее квалифицированных рабочих. Успешно окончившие курсы получали звание мастера социалистического труда. Количество рабочих профессий, подготовка по которым становилась обязательной, было увеличено до 500. Новые учебные планы предусматривали овладение рабочими элементами материаловедения, изучение оборудования и инструмента, некоторых основ экономических знаний. В основу обучения рабочих было положено постижение стахановских методов труда⁵.

Для реализации указанных планов в отраслях крупной промышленности при наркоматах, главках, предприятиях была создана централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В частности, на предприятиях возникали Советы по техническому обучению рабочих во главе с директором. Деятельность самих предприятий оценивалась по состоянию массовой технической учёбы рабочих⁶. К преподаванию привлекли ведущих специалистов предприятий, учёных, преподавателей вузов. В кратчайшие сроки (всего за 70 дней) было написано и издано 253 учебника по техминимуму для рабочих 403 различных профессий [Козлов, Хлевнюк, 1988. С. 174].

Таким образом, отличия новой системы технической учёбы рабочих без отрыва от производства (с позиций НКТП) должны были быть следующими: во-первых, обязательность обучения для всех рабочих. По сути, государство (правда, в лице одного, но крупнейшего промышленного наркомата) провозгласило лозунг всеобщего технического образования. Во-вторых, обязательность обучения предусматривала и последовательность прохождения рабочими стадий профессиональной подготовки, включая высшее звено — КМСТ, готовящих высококвалифицированных рабочих. КМСТ (предполагающие двухлетнюю общеобразовательную и техническую подготовку) существенно отличались от предшествующей системы подготовки рабочих кадров, так как действующие в 1933–1935 гг. производственно-технические курсы второй и третьей ступеней за отведённое время обучения могли готовить только рабочих массовых профессий. В-третьих, возникала централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих, адекватная системе управления в промышленности. В-четвёртых, государство впервые вкладывало крупные инвестиции в подготовку рабочих кадров непосредственно на производстве. В-пятых, создавался разветвлённый и централизованный штат преподавателей (наставников) системы технической учёбы рабочих без отрыва от производства.

Для Сталина и его ближайшего окружения сдача в 1935 г. почти 800 тысячами рабочих НКТП Государственно-технического экзамена (ГТЭ)⁷ рассматривалась как «победа советского строя». Между тем программа ГТЭ включала в себя только знания технического

³ Доклад А.А. Андреева на Декабрьском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 28 дек.

⁴ Резолюции Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 47; д. 217, л. 17–18.

⁶ РГАЭ, ф. 8875, оп. 47, д. 52, л. 73 - 74.

⁷ Правда. 1935. 26 дек.

минимума. Если для руководства НКТП стахановское движение рассматривалось как *начало* поэтапной подготовки и переподготовки квалифицированных и высококвалифицированных рабочих индустриальной эпохи, то для Сталина и его ближайших сподвижников стахановское движение было уже *итоговым результатом* предшествующего «роста культурно-технического уровня рабочих», а вся масса промышленных рабочих была готова работать на уровне стахановских рекордов.

Основная цель стахановского движения в сталинской интерпретации — «максимальное увеличение продукции, снижение себестоимости за счёт внедрения новых технических норм на основе опыта лучших стахановцев» — была на Декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) дополнена и конкретизирована секретарем ЦК А.А. Андреевым: «досрочное выполнение планов Второй пятилетки» за счёт «выжимания из техники всего возможного»⁸. Не оставляла сомнений в авторстве и резолюция Пленума ЦК, недвусмысленно призывавшая «сломать сопротивление стахановскому движению со стороны консервативной части инженерно-технических работников»⁹.

Масштаб увеличения капиталовложений, начиная с июля 1935 г., по справедливой оценке Р. Дэвиса и О. В. Хлевнюка, свидетельствовал об очередном повороте «генеральной линии»: ставке на новый производственный скачок [Дэвис, Хлевнюк, 1992. С. 104]. В рамках этого «скачка» Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций. Для него это виделось как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом, за счёт интенсификации их труда, а также веры в то, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса [Грегори, 2006. С. 134-135].

Созданный искусственно культ относительно небольшой группы высокооплачиваемых «знатных стахановцев» пропагандистской машиной приравнивался к социальному облику всех стахановцев. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик — и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы. В то же время произвольное установление норм и расценок, несоблюдение тарифной дисциплины во второй половине 1935 — первой половине 1936 гг. носило общесоюзный характер [Фирин, 1937], вызывая законное недовольство рабочих.

Таким образом, в документах Декабрьского (1935г.) Пленума ЦК ВКП(б) оказались переплетены обе тенденции экономического курса СССР, проводимого на протяжении 1933 — 1935 гг.: рациональная, опирающаяся на научные знания, и волюнтаристская, основанная на мифологической вере во всемогущество государственного принуждения.

Судьба стахановского движения в промышленности была во многом решена в январе 1936 г. По инициативе Сталина с первого дня этого года набирала силу кампания за проведение «Стахановских суток» на каждом рабочем месте. Вера в магическую силу приказа вновь давала о себе знать. 20 января 1936 г. газеты страны сообщили о начале «Стахановской пятидневки» на всех предприятиях как о свершившемся факте.

Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без учёта материальных стимулов для основной массы рабочих, а также вне соответствующей механизации производственных процессов. Газеты января 1936 г. печатали диаграммы роста ежедневного выпуска промышленной продукции. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. Однако, вопреки здравому смыслу, тут же последовал призыв высшего руководства страны к «стахановскому году»¹⁰.

За счёт чего же намечалось превзойти плановые рубежи? Исследование архивных источников 1936 г. даёт ответ: прежде всего за счёт усиления интенсивности труда

⁸ Правда. 1935. 28 дек.

⁹ Резолюции Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 26 дек.

¹⁰ За индустриализацию. 1936. 26.январь; 4 февр.

советских рабочих. Так, на Мотовилихинском (Молотовском) орудийном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250 — 300 часов. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с 1935 г. Более чем на треть вырос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился удельный вес бракованной продукции. Например, в январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов, произведённых на Серовском механическом заводе¹¹.

Итоги января 1936 г. — «месяца рекордов» — были ошеломляющими: не только не произошло ожидаемого рывка в экономике, но, напротив, в ряде отраслей был зафиксирован спад промышленного производства¹². Общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения, пусть на время, на страницах газет и журналов становится приглушённой. Неудовольствие руководства ВКП(б) было очевидным: плоды патерналистской политики государства оказались отличными от замыслов. Руководство промышленных наркоматов искало выход из сложившейся ситуации.

Второй Пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР 25 — 29 июня 1936 г.

Как и на Первом Пленуме Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР, состоявшемся в мае 1935 г. [Совет..., 1935], год спустя, на Второй Пленум Совета [Совет..., 1936] в Москве 25 — 29 июня 1936 г. вновь собралась хозяйственная элита советской промышленности. Заседание Совета было важным событием в жизни страны уже в силу состава присутствующих. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г. были ликвидированы коллегии при Наркоматах, а вместо них образованы Советы из 50-70 ведущих отраслевых работников, что должно было расширить круг коллективного обсуждения и коллективной ответственности.

В мае 1935 г. в работе Первого Пленума приняли участие 104 члена Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности, утверждённых Постановлением СНК СССР от 20 апреля 1935 г. [Совет..., 1935. С. 3–8]. Менялись названия мероприятий («Конференция», «Совещание», «Совет», «Пленум»), но оставалась сущность проводимых форумов — взаимодействие политической и хозяйственной элит Советской страны.

В газете «Правда» короткое сообщение об открытии Пленума Совета в зале профсоюзов Дворца труда содержало лишь упоминание о том, что половина из присутствующих (в зале находились более 300 человек) была награждена орденами¹³. Официальный термин 1930-х гг. — орденосец — означал определённое признание заслуг управленца. В зале профсоюзов собралась та часть хозяйственной элиты, труд которой был признан и высоко оценён.

Интересен и состав *выступивших* на Пленуме: народный комиссар тяжёлой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе; три его заместителя; 11 начальников главков; 18 начальников (управляющих) трестов; 25 директоров крупнейших предприятий отрасли. Среди выступавших оказались 11 рабочих-стахановцев и четверо инструкторов стахановских методов труда [Совет..., 1936. С. 425–438]. Декорум был соблюден: взаимодействие взглядов стахановцев и «красных командиров производства» должно было снять все помехи на пути повышения производительности труда.

¹¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. 841. Оп. 1. Д. 36. Л. 123 - 125; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 13. Д. 329. Л 2 — 3; Оп. 14. Д. 445. Л. 7, 17 - 18.

¹² Правда. 1936. 29 апр.; 21 мая.

¹³ Правда. 1936. 26 июня.

Весь предшествующий опыт Орджоникидзе, в частности практика проведения Всесоюзных Совецаний высшего и среднего звена управленцев советской промышленности («хозяйственников» в терминологии того времени) в 1931-1934 гг.; Первого Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР мая 1935 г. [Фельдман, 2022], свидетельствовал о возможности определённого воздействия на Сталина силой доводов рациональной практики, опирающейся на коллективный опыт хозяйственников и мнения директорского корпуса. Созыв Второго Пленума Совета в июне 1936 г. преследовал те же цели, а увеличение втрое числа его участников должно было стать дополнительным аргументом дискуссии в руководстве страны о выборе приоритетов экономического курса [Хлевнюк, 1996. С.174].

В немногочисленных публикациях, посвящённых работе Второго Пленума Совета рассматривались и анализировались некоторые выступления участников [Хлевнюк, 1991, С.16; Хлевнюк, 1996, С.174; Фельдман, 2011], однако отсутствовала комплексная оценка характера взаимодействия взглядов представителей различных профессиональных групп; нет понимания роли Второго Пленума и в разработке экономического курса Советского государства. Неизученные проблемы, связанные с пятидневной работой Пленума, составили предмет предлагаемой статьи.

Издание 1936 г. [Совет..., 1936] открывают два фотопортрета: И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. По общепринятому мнению того времени, народный комиссар тяжёлой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе являлся лучшим другом генерального секретаря ЦК ВКП(б), близким сподвижником советского лидера. Однако в тоталитарном государстве у руководителя, претендующего на единоличную власть, могут быть только такие люди, кто готов выполнять указания вождя.

Открывая 25 июня 1936 г. Первое заседание Совета, Орджоникидзе максимально корректно обозначил задачу: «...на повестке дня — один вопрос: ход выполнения решения Декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) о развертывании стахановского движения» [Совет..., 1936. С. 3]. Тема стахановского движения действительно пронизывала всю работу Второго Пленума. Однако, как отмечалось выше, различные подходы к пониманию целей и сущности стахановского движения, методам его развития были только «верхушкой айсберга» — частным проявлением расхождения двух тенденций экономической политики в СССР первой половины 1930-х гг. — курса «миниреформ» [Davies R.W., 1996. P. 104] и ставки на принудительные методы воздействия.

Результаты Стахановского движения в первые пять месяцев 1936 г. существенно отличались от планируемых. Наблюдалось падение выпуска промышленной продукции в ряде отраслей; масштабное возрастание доли бракованной продукции; медленные (даже по официальным данным) темпы роста производительности труда [Фельдман, 2015]. Раздражение Сталина нарастало и признаки грозы были очевидны: если в номерах газет за 29 июня 1936 г. упоминалось выступление на Втором Пленуме заместителя наркома тяжёлой промышленности Г.Л. Пятакова, то в Стенографическом отчёте, сданном в набор 25 августа 1936 г., оно уже отсутствовало: до ареста Пятакова 12 сентября 1936 г. оставались недели. До ареста брата Г.К. Орджоникидзе — П. К. Орджоникидзе в ноябре 1936 г. оставались месяцы. Современные исследователи зафиксировали отчётливое ощущение Г.К. Орджоникидзе приближения трагедии [Хлевнюк, 1996. С. 176-178]. Проведение Второго Пленума могло стать последним сражением за рациональный курс социалистической индустриализации.

Продуманная руководством НКТП структура заседаний Второго Пленума должна была предотвратить потенциальную вспышку сталинского гнева. Из девяти заседаний первые четыре были заполнены выступлениями руководителей главков, начальников нефтяных и угольных трестов. Они изобиловали техническими терминами и количественными показателями; обещаниями повысить производительность труда рабочих за счёт

произвольного увеличения норм выработки и столь же произвольного повышения скорости бурения; преодоления сопротивления «противников стахановского движения» среди инженерно-технического персонала.

Однако уже в конце первого заседания, *вечером 25 июня* отрезвляюще прозвучали слова о том, что на шахтах Донбасса «большая группа инженеров и техников была незаслуженно обвинена в саботаже» [Совет..., 1936. С. 38]. В устах начальника треста «Донбассуголь» В.М. Бажанова такое признание звучало особенно впечатляюще: Донбасс считался центром стахановского движения, а основная критика противников движения также была адресована специалистам этого региона.

Статистические данные, приведённые Бажановым (8% инженеров и техников на шахтах Донбасса «не могут обеспечить необходимое руководство стахановским движением» и «должны быть сняты и переведены на низшие должности», а ещё 8% «прекрасно справляются с этой работой... и должны быть выдвинуты на более высокие должности» [Совет..., 1936. С.38]), были трудно проверяемы. Но они носили явно символический характер — в них просматривается вывод о недопустимости огульных обвинений в адрес специалистов.

Бажанов первым связал проблемы, стоящие на пути стахановского движения, с высокой текучестью кадров, являющейся следствием неудовлетворительных жилищных условий [Совет..., 1936. С.39]. О других причинах этих проблем руководитель треста «Донбассуголь» не говорил, но увеличение на треть ухода с шахт рабочих за первые пять месяцев 1936 г., объявленных на высшем уровне «стахановскими», наводило на размышления.

Разъяснение не заставило себя долго ждать: *утром 26 июня* сущность стахановских методов труда (в косвенной форме) была раскрыта в выступлении управляющего трестом «Карагандауголь» М.И. Смирнова: «...у нас были стахановские дни, пятидневки. Они очень часто превращались в штурмовщину. В стахановские дни мы добывали по 13 тыс. тонн, а потом спускались до 8–9 тыс. тонн» [Совет..., 1936. С.71]. Близость понятий «штурмовщина» и «стахановские дни» не вызывала сомнений!

Высокая текучесть касалась не только рабочих. За те же первые пять месяцев 1936 г. из треста «Кадневуголь», объединяющего преимущественно новые шахты, ушли 41,2% представителей инженерно-технического персонала [Совет..., 1936. С.82]. Как видно, условия труда для специалистов в «стахановские месяцы» стали трудно выносимыми. «Были попытки огульно обвинять инженерно-технических работников в саботаже» (стахановского движения), — заявил управляющий трестом «Шахтантрацит» А.М.Непомнящий. — Это внесло в их среду известную неуверенность. Сейчас мы резко выправляем дело» [Совет..., 1936. С.89]. Аналогичные оценки прозвучали и в выступлении А.М. Хачатурьянца — управляющего трестом «Сталинуголь» [Совет..., 1936. С.94].

В этой связи вопрос Г.К. Орджоникидзе управляющему трестом «Кадневуголь» Л.Я. Высоцкому: «...скажите, чем объясняется высокая текучесть инженеров?» [Совет..., 1936. С.82], — носил, как представляется, риторический характер: волны гонений на специалистов в годы первых пятилеток были хорошо известны руководителям Советского государства.

Куда более интересен ответ Л.Я. Высоцкого: «...в большинстве случаев тресты и шахты шли по старому пути: снимали с работы старых людей и брали новых людей, полагая, по-видимому, что новых учить не нужно» [Совет..., 1936. С. 82]. Формально, выражение по «старому пути» отсылало к событиям конца 1920-х гг. (делу «Промпартии») [Красильников, Савин, Ушакова, 2011. С. 66]. Однако пренебрежение к труду специалистов имело устойчивую практику в работе партийных комитетов всех уровней не только Донбасса, и не только в начале Первой пятилетки [Красильников, 2016. С. 3].

Реплика М.Д. Дюканова — кандидата в члены ЦК ВКП(б), парторга шахты имени Сталина — о недостаточной численности инженерно-технического персонала на шахтах Донбасса [Совет..., 1936. С.68] носила, скорее, констатирующий характер. Нехватка ква-

лифцированных специалистов, наряду с их социальной незащищённостью, объясняла многие жалобы выступающих. Они говорили об отсутствии должного обучения работе на новых технических устройствах и механизмах, о низком уровне планирования и организации труда, об игнорировании графика планово-предупредительного ремонта [Совет..., 1936. С.57,60, 61, 71, 80]. Следствием такого положения, по мнению выступавших, стал выход из строя значительной части производственного оборудования [Совет..., 1936. С. 81]. Как видно, уже первые два заседания Второго Пленума выявили масштаб критических настроений советской хозяйственной элиты.

Вечернее заседание 26 июня началось с выступления К.К. Карташёва — управляющего треста «Первомайскуголь», связавшего причины медленного роста добычи угля с вполне объективными трудностями — низким уровнем механизации подготовительных работ, а также с «неразберихой в оплате труда инженерно-технических работников». Достаточно смело прозвучал тезис Карташёва о повсеместной порочной практике нарушения принципа единоначалия: «...в распоряжения начальника участка вмешивается кто угодно» (!) [Совет..., 1936. С. 100].

С.Я. Каплан — редактор газеты «Кадневский пролетарий» — отметил, что никто не обучал инженерно-технических работников методике преподавания передовых форм организации труда. Такая методика должна быть направлена не на организацию отдельных рекордов, а на «стахановскую работу целых участков, смен и всей шахты» [Совет..., 1936. С. 104].

А.И. Гуревич — начальник Главного управления металлургической промышленности (ГУМП), проследив практику пересмотра проектных мощностей заводов и агрегатов, новых технических норм, «исходя из опыта лучших стахановцев», попытался «отчётливо сформулировать, в чём заключаются задачи организации стахановского движения в чёрной металлургии» [Совет..., 1936. С. 114–115].

Однако текст пространного выступления начальника ГУМП, содержавший набор производственных задач, нацеленных на изучение причин брака, на улучшение межцехового взаимодействия, на максимальное использование контрольно-измерительной аппаратуры для повышения качества продукции, на внедрение эффективной сдельной системы оплаты труда, на отказ от непродуманных экспериментов [Совет..., 1936. С. 115–118], приводил к своеобразному выводу: к категории стахановцев причислялись обычные квалифицированные рабочие, способные работать без брака на сложных агрегатах и механизмах. Успех работы стахановцев зависел от системы организации труда, где определяющую роль играли специалисты, поскольку «без технической инициативы инженерства нельзя по-настоящему организовать, возглавить стахановское движение» [Совет..., 1936. С. 118].

Все выступления участников Пленума содержали обещания достичь более высоких количественных показателей. Вопрос, однако, заключался в том, какими методами это будет достигнуто. Звучали и весьма примитивные предложения: «сломать сопротивление консерваторов»; сократить время на плановые ремонты и т.д. [Совет..., 1936. С. 124].

Наиболее ярким событием *утреннего заседания 27 июня* стало выступление Е.М. Альперовича — начальника Главстанкоинструма. Он заявил о принципиальной недопустимости выпуска некачественной продукции и *допустимости сокращения объёмов производства ради выхода на установленные стандарты качества*. Определённым выходом из ситуации должны были стать сквозные бригады качества, сформированные из рабочих, технологов и инженеров, а также создание условий для самостоятельного кооперирования предприятий и цехов для решения возникающих проблем [Совет..., 1936. С. 140–142].

Д.А. Петровский — начальник Главного управления учебных заведений (ГУУЗ) НКТП — дал определение стахановского движения как «зачатка гармонического сочетания труда физического с трудом умственным» [Совет..., 1936. С. 178]. Это означало, что рост квалификационного умения рабочего напрямую связывался с повышением производ-

ственно-технических знаний. Важна обязательность прохождения *всеми рабочими* отрасли трёх ступеней технической подготовки (курсов техминимума; стахановских курсов и курсом мастеров социалистического труда). При этом начальник ГУУЗа предупредил о недопустимости перескакивания через стадии обучения [Совет..., 1936. С. 179].

Своеобразными были выступления на утреннем заседании 27 июня 1936 г. трёх рабочих-стахановцев [Совет..., 1936. С.174-179, 184-188]. Они содержали стандартизированный рассказ о совершении стахановских рекордов с помощью отдельных технических приспособлений, сообщения о «счастливой и радостной жизни», личные благодарности Сталину, «который создал нам счастливую жизнь».

Диссонансом «лакированной» действительности стали слова «знатного стахановца» фрезеровщика И. И. Гудова: при выполнении дневной нормы на 1 430% («я заготовил тогда деталей на целых восемь месяцев») стахановская продукция оказалась никому не нужна, и сверхплановые «детали лежали на складе мёртвым капиталом») [Совет..., 1936. С.187]. Поскольку Гудов сообщил о случае на передовом столичном станкостроительном заводе им. Орджоникидзе, *разрыв между потребностями заказчиков и наращиванием сверхплановой продукции* можно считать достаточно типичным явлением.

Отмечу, что Гудов — один из зачинателей стахановского движения в станкостроении, награждённый 9 декабря 1935 г. орденом Трудового Красного Знамени. Средствами пропаганды он был причислен к разряду культовых советских героев¹⁴. Слова «знатного стахановца» о судьбе стахановского рекорда не могли остаться незамеченными. Понимали это и руководители НКТП.

Показательно, что за пять дней работы Второго Пленума Сталин единственный раз официально отреагировал на его работу: 27 июня 1936 г. было получено Приветствие Сталина... работникам золотопрмышленности. Вот его полный текст. «Приветствую по случаю досрочного окончания полугодового плана. Надеюсь, что с успехом закончите план всего года и дадите наилучшие показатели. Сталин»¹⁵. На мой взгляд, столь лаконичное послание носило издевательский характер. Обращённое только к одной, малочисленной, группе хозяйственников — участников Второго Пленума приветствие ни словом не упоминало о задачах, проблемах работы столь высокого экономического форума; не содержало даже формального приветствия со стороны политического руководства. Сталин подчёркнуто дистанцировался от проходящего в Москве Второго Пленума Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР.

Вероятно, после утреннего заседания 27 июня с участниками Второго Пленума была проведена «разъяснительная работа»: содержание выступлений на вечернем заседании 27 июня; на утреннем и вечернем заседаниях 28 июня стало заметно более «пресным»: критические и самокритические нотки у хозяйственников исчезли. Редкие примеры сравнения технических характеристик советского и американского оборудования и механизмов не меняли характер чисто технократических сообщений. Это касалось заметно сокращённых выступлений ряда директоров заводов, сообщений учёных и, в наибольшей степени, докладов двух заместителей наркома тяжёлой промышленности — М.Л. Рухимовича и М.М.Кагановича.

Заявление М.М. Кагановича о необходимости «нам, хозяйственникам учиться у стахановцев, как надо уничтожать брак» [Совет..., 1936. С.225] выглядело пропагандистским штампом. А слова директора Карабашского медеплавильного завода Д. Ф. Ковалева, что «медеплавильная промышленность к Совету (т.е. за первые пять месяцев 1936 г.) приходит с позорными показателями» [Совет..., 1936. С.255], носили характер показного самобичевания.

¹⁴ В 1939 г. на советские экраны вышел художественно-документальный фильм «Иван Гудов» (режиссёр П.А. Зиновьев), в котором Гудов и его товарищи по работе вынуждены были играть самих себя.

¹⁵ Правда. 1936. 28 июня.

Понимал ли начальник Прибалхашстроя В.И.Иванов, насколько анекдотично звучат слова: «у нас установлены три календарных стахановских дня в месяц, (когда) всю руководящую верхушку мы посылаем в цеха на отдельные участки» [*Совет...*, 1936. С.263]. Помимо прямого указания на приказной, управляемый сверху, характер стахановского движения, это было и признание о пределах работы в соответствии со стандартами.

Редким исключением стала реплика члена Бюро Комитета советского контроля при СНК СССР М.И. Ульяновой. Она говорила о случаях безосновательного увольнения рабочих с предприятий [*Совет...*, 1936. С. 290].

Три заседания (вечернее 27 июня и утреннее и вечернее заседания 28 июня) должны были показать высокую степень лояльности хозяйственной элиты, её готовности к выполнению указаний сверху. Тем не менее события завершающих двух заседаний (утреннее и вечернее заседания 29 июня) наглядно показали, что критический настрой директорского корпуса сохранился. В выступлении С.П. Бирмана — директора металлургического завода им. Петровского — впервые отчётливо прозвучало, что в погоне за стахановскими рекордами были грубо нарушены правила ухода за мартеновскими печами, что привело к «целому ряду безобразных аварий... Одна печь за другой начали выходить из строя. В конце концов, создалось такое положение, что весь мартеновский цех оказался неработоспособным»(!). [*Совет...*, 1936. С. 307].

Между тем, подчеркнул Бирман, в основе стахановских экспериментов лежал «проверенный американский опыт». Однако подвели организация производства и квалификация рабочих. Во многом это было связано с тем, что в советских вузах студентов не обучают дисциплине «организация производства»... «Мы имеем дело с известной односторонностью образования, направленности и всей психологии нашего инженерно-технического персонала». В силу этого, обвинять наших инженерно-технических работников в саботаже стахановского движения было бы неправильно» [*Совет...*, 1936. С. 308]. Такие выводы директора одного из крупнейших металлургических заводов страны выходили далеко за пределы одного предприятия.

Короткое выступление И.А. Лихачева — директора автозавода им. Сталина было построено на противопоставлении успехов стахановцев в основных цехах автозавода за счет автоматизации производства и научного обоснования скорости резания на станках. Он указывал и на доминирование поставок металла низкого качества, на «ставки на тоннаж, а не ассортимент продукции» [*Совет...*, 1936. С. 311].

Прорывным стало сообщение директора Харьковского тракторного завода (ХТЗ) П.И. Свистуна о создании при заводе научно-технической станции для повышения квалификации инженерно-технических работников. Группы специалистов ХТЗ последовательно освобождались на два дня в месяц для обязательного изучения организации производства и технических новинок [*Совет...*, 1936. С. 320].

Речь ещё одного знатного стахановца, известного всей стране кузнеца Горьковского автозавода А.Х. Бусыгина оказалась далека от пропагандистских штампов о жизни стахановцев. Его слова о выходе из строя оборудования на долгие месяцы после «стахановских рекордов», длительность ремонтов изношенных агрегатов подтверждали аналогичную оценку С.П. Бирмана. Однако Бусыгин высказал идеологически «верное» заключение: скоро «весь завод заработает по-стахановски. Страна живет счастливо. За это спасибо товарищу Сталину» [*Совет...*, 1936. С. 325].

Факт использования «знатного» стахановца Бусыгина в качестве толкача для обеспечения завода необходимым металлом вызвал возмущение Орджоникидзе [*Совет...*, 1936. С. 323, 384]. Картина обычной жизни советского промышленного предприятия явно не совпадала с мифами о социалистической индустриализации.

Отвечая на критику Бусыгина, А.С. Иванов — технический директор Горьковского автозавода — обратил внимание на систематические срывы плана поставок нужных дета-

лей и металла со стороны смежников. Правилком, подчеркнул Иванов, стали поставки металла не тех сортов, и не отвечающих стандартам. На самом предприятии внутризаводские перевозки были организованы примитивно, в них были задействованы 6 тыс. человек, однако средств на механизации перевозок НКТП не выделял. Выход, по мнению Иванова, заключался в праве директора свободно распоряжаться средствами, отпущенными на капитальное строительство [*Совет...*, 1936. С. 336].

Претензии машиностроителей к металлургам конкретизировал директор Уралмаша Л.С. Владимиров. За первые пять («стахановских») месяцев 1936 г. 14% поставок металла на Уралмаш оказались бракованными. Низкое качество металла вынудило Уралмаш затрачивать много средств на его доработку. А это усугубляло нелёгкое финансовое положение завода [*Совет...*, 1936. С. 349]. По оценке директора Уралмаша, «стахановское движение в промышленности охватило только самую верхушку рабочих. Как правило, стахановцами у нас являются члены партии, комсомольцы и передовая часть рабочих, — это в лучшем случае», отметил Владимиров [*Совет...*, 1936. С. 347]. Такое высказывание резко отличалось от общепринятого парадного освещения стахановского движения.

«Существующее у некоторых товарищей мнение, что инженерно-технический персонал не хочет идти в ногу со стахановским движением, — продолжал Владимиров, — неправильно. Беда заключается в том, что мы ещё до сих пор не переключили инженерно-технический персонал на творческую плодотворную работу. Инженер и техник часто работают не головой, а ногами». Поясняя последнее предложение, Владимиров отметил: «...мы недостаточно разгрузили инженерно-технический персонал и не поставили его в такие условия, чтобы он мог более плодотворно работать» [*Совет...*, 1936. С. 348]. Кого же Владимиров имел в виду, применяя собирательное «Мы»? Думается, для участников Совета, для внимательных читателей Стенографического отчёта о работе Совета было ясно: под видом самокритики, речь шла о высшем партийном руководстве.

Поздним вечером 29 июня состоялось заключительное выступление Г.К.Орджоникидзе. Он назвал обвинения в адрес инженерно-технический персонала за вымышленное саботирование стахановского движения чепухой. «Какие там саботажники! — возмутился нарком. — За 19 лет существования Советской власти мы воспитывали в наших школах и вузах инженеров и техников, выпустили сто с лишним тысяч инженеров и такое же количество техников. Если все они, а также старые инженеры, которых мы перевоспитывали, оказались в 1936 г. саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом. Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди — наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за Советскую власть. Умирать будут на фронтах за советскую власть, если это потребуется». Как фиксирует Стенографический отчет, участники Второго Пленума встретили слова «бурными продолжительными аплодисментами» [*Совет...*, 1936. С. 390]. Как видно, вечером 29 июня осуждение гонений на специалистов получило полную поддержку от представителей советской хозяйственной элиты.

В выступлении Орджоникидзе подчёркивалось, что развитие стахановского движения зависит от научного подхода к организации рабочего труда; оно «не терпит рывков, ни перебоев, ни кустарщины». Сложность решения этой проблемы обострялась тем, что, по словам наркома, «наши вузы выпускают технологов, а не организаторов производства» [*Совет...*, 1936. С. 391, 398]. Орджоникидзе (на примере цветной металлургии) высмеял утверждения отдельных директоров о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по его словам, американский рабочий выпускал продукции в разы больше, чем наш. Аналогичное положение было и на предприятиях в других отраслях советской промышленности [*Совет...*, 1936. С. 406].

Обратившись к известному лозунгу 1930-х гг. «Догнать и перегнать», нарком предупредил о сложности его выполнения: в США «производительность труда в 2 — 3 раза выше,

и металл по качеству выше, чем у нас, и машины лучше» [Совет..., 1936. С. 406]. Такой вывод явно противоречил тезису о «перманентном загнивании капитализма». Пророчески прозвучал вывод наркома: «...если хотите перегнуть Америку, изучите её каждый по своей отрасли, поставьте перед собой эту задачу и перегоняйте по-честному, чтобы по количеству было больше, по качеству было лучше, и чтобы по цене было дешевле, чем у них» [Совет..., 1936. С. 406-407].

И всё-таки главный посыл прозвучал у Орджоникидзе в конце его доклада. Нарком поддержал предложения участников Второго Пленума о недопустимости выпуска некачественной продукции. По утверждению Орджоникидзе, предприятие должно считаться не выполнившим государственную программу (заказ), при выполнении плана по количественным показателям, но при условии срыва плана по ассортименту продукции, и недопущении положенных стандартов [Совет..., 1936. С. 410].

«Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», — заявил нарком. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной — сколько *готовой* продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства» [Совет..., 1936. С. 410]. Внимательный читатель сразу вспомнит: подобный тезис будет содержать «косыгинская» экономическая реформа 1965 г. Кто знает, насколько лет раньше была бы реализована реформа, если бы предложение Орджоникидзе было бы реализовано!

Таким образом, если на Первом Пленуме в мае 1935 г. Орджоникидзе только частично поддержал мнения директорского корпуса [Совет..., 1935. С. 111], то 29 июня 1936. нарком активно и эмоционально заявил о совпадении взглядов руководства НКТП и представителей хозяйственной элиты. Пространства для маневрирования фактически уже не оставалось.

Участники Второго Пленума, включая наркома, фактически осудили целый ряд мифов, окружающих экономическую политику государства: о массовом саботаже инженерами и техниками дела развития стахановского движения; о самой практике постановки «стахановских рекордов»; о тяжести их последствий. Развенчивался миф о самом стахановском движении как «высшей форме организации труда». Указывалось на масштаб беспорядочности в промышленности СССР, на низкое качество выпускаемой продукции, что не имело ничего общего с тезисом о заведомом превосходстве «социалистической индустрии над капиталистической».

Ставку на стабилизацию планирования и производственной деятельности, на приоритет качественных показателей делали и на Первом пленуме в мае 1935 г. Подтвердилась она и на Втором Пленуме.

Вывод Орджоникидзе на Втором Пленуме о необходимости планирования выполнения программы не по валовой продукции, а по товарной означал выход советской экономической мысли на принципиально иной уровень. Коллективный опыт директорского корпуса вывел Орджоникидзе в последний час работы Совета на понимание *качества* распоряжения ресурсами как наиболее надежного показателя учёта общенациональных интересов. В свою очередь, параметрами этого показателя объективно должны были выступать соразмерность объявленных мер и имеющихся ресурсов, социально-приоритетное, целевое и подконтрольное их использование.

О реакции Сталина можно судить по степени освещения работы Второго Пленума в центральных газетах. Читатель не мог не отметить, что газеты давали весьма скудную информацию о его работе. Бросалось в глаза стремление редакторов сузить тематику выступлений участников. Так, первое заседание Второго Пленума, судя по печатным публикациям, было посвящено главным образом проблеме *добычи нефти*. Последующие заседания, опять-таки исходя из газетных публикаций, — посвящены задачам стахановского движения. Газеты *более чем выборочно* публиковали сами выступления участников

форума. Со страниц июньских газет можно было услышать только выступления «лучших стахановцев», повторявших знакомые слова о «неумении инженеров руководить стахановским движением»¹⁶. Назывались фамилии выступавших — руководители главков и заводов-гигантов, но смысл докладов не раскрывался. Выступлениями стахановцев (а точнее — выдержками из них) газеты ограничивали информацию о работе Пленума¹⁷. Отмечался тот факт, что он «работает по-деловому; все речи насыщены фактическим материалом», а характерной чертой большинства выступлений выступала «ясность перспектив и возросшая требовательность к себе». Но все критические высказывания выступивших были изъятые¹⁸.

«Правда» 29 июня 1936 г. в несколько ироничной манере отмечала: «Четыре дня заседает Совет. Уже выступил седьмой десяток присутствующих». Двусмысленно звучало сообщение о том, что «на вечернем заседании с яркой речью выступил Пятаков, которого зал встретил и проводил продолжительными аплодисментами»¹⁹. Известно, что к этому времени положение Пятакова было более чем шаткое [Хлевнюк, 1996. С. 88]. Только через шесть дней после закрытия заседания Второго Пленума в газетах было опубликовано заключительное слово Г.К.Орджоникидзе²⁰.

Практика более поздней публикации выступлений управленцев сложилась в СССР ещё с начала 1930-х гг.: на Втором Пленуме уже произнесённое слово подвергалось цензуре и в печатном виде представало в ином облики. Мифологическое поле «страны социализма» пыталось блокировать реалистическую информацию. Однако в данном случае текст доклада Орджоникидзе в газетном изложении и в Стенографическом отчёте совпадал: конфликты с членами Политбюро должны были идти по сталинскому расписанию.

Передовая газеты «Правда» за 10 июля 1936 г. «Не зазнаваться» приводила главные мысли доклада Орджоникидзе, но они приписывались Сталину! («Сталин предложил...»). Глупостью назывались утверждения о саботаже «противников стахановского движения» среди инженерно-технического персонала. Однако воспоминания о масштабных репрессиях против хозяйственников и аресте практически всех участников Второго Пленума в 1937 -1938 гг. превращают текст передовой «Правды» в тактический манёвр.

Анализ кадровых перемещений представителей директорского корпуса между Первым и Вторым Пленумами (12 мая 1935 г. — 25 июня 1936 г.) показывает сохранение основной массы управленцев на своих должностях. Из 28 директоров, по нашим подсчётам, за истекший период на повышение пошёл только Е.Л. Бродов, директор Березниковского химического комбината, ставший начальником Главзота. Это означало, что, благодаря защите со стороны члена Политбюро ЦК ВКП(Б) Г.К. Орджоникидзе, критические и остро-критические замечания, высказанные на Первом Пленуме, оказались учтены соответствующими инстанциями, но остались без организационных выводов.

Изменился состав выступавших: из 28 директоров — членов Совета, бравших слово на Первом Пленуме, на Втором Пленуме не получили слова директора таких гигантов, как ГАЗ (С.С. Дьяконов); Кировский завод (К.М. Отс); директора авиационных заводов; Пермского оружейного завода. В определённой степени это было связано с развёртыванием обширных оборонных программ на этих предприятиях: завеса секретности всё в большей степени сужала доступную информацию.

Представительство директоров среди выступавших на Втором Пленуме (25 из 86 — вместо 17 из 59 на Первом Пленуме) практически не изменилось, но степень само-

¹⁶ Правда. 1936. 27, 30 июня.

¹⁷ Правда. 1936. 30 июня; Известия, 1936. 30 июня

¹⁸ Правда. 1936. 29 июня. «С заседания Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности».

¹⁹ Там же.

²⁰ Правда. 1936. 5 июля.

стоятельности «красных командиров производства» всё больше раздражала партийные комитеты [Хлевнюк, 1996. С. 175-176]. Значительное представительство среди выступавших на Втором Пленуме получили управляющие трестами; представляющие каменноугольную, нефтяную отрасли и медеплавильную промышленность, где число стахановцев было наиболее велико. Показательно, что в этой категории лиц преобладали управленцы (17 из 18), не являющиеся членами Совета при наркомате тяжёлой промышленности. Как отмечалось выше, в выступлениях управляющих трестами преобладали технократические мотивы и утверждения идеологического характера. В то же время руководители главков, за исключением И.И. Павлуновского, начальника Главного управления военной промышленности НКТП СССР, в основном поддерживали предложения директорского корпуса. Как видно, подбор выступавших на форуме хозяйственников превращался в сложный политический манёвр, включающий учёт и рациональных предложений управленцев, и идеологических установок партийного руководства.

Выводы

12 мая 1935 г., завершая работу Первого Пленума, Г.К. Орджоникидзе говорил о *росте управленческой квалификации* представителей директорского корпуса. Такой же вывод нарком мог сделать и 29 июня 1936 г. Коллективный опыт привёл участников Второго Пленума к пониманию принципиальной недопустимости выпуска некачественной продукции и допустимости сокращения объёмов производства ради выхода на установленные стандарты качества; к осознанию верхушечного характера стахановского движения; к пониманию роли технического образования для промышленных рабочих; к осуждению попыток необоснованных обвинений специалистов в саботаже стахановского движения.

Если на Первом Пленуме предложения девяти директоров крупнейших предприятий изменить существующие методы планирования, а десяти — в качестве главной задачи рассматривать проблему рентабельности, включая введение системы балансов во внутриотраслевых и межзаводских отношениях, не получили прямой поддержки Орджоникидзе, то на Втором Пленуме картина принципиально изменилась. Так, высказанная 10 мая 1935 г. мысль директора Харьковского тракторного завода П.И. Свистуна о необходимости перехода к «другой системе планирования», в основе которой «должно было быть положено сокращение числа спускаемых сверху плановых показателей; а в ряду немногих оставшихся предлагались данные по выпуску основной продукции, а также качественные индикаторы — себестоимость и фондоотдачу» [Совет..., 1935. С. 111], стала центральной в заключительном выступлении наркомата тяжёлой промышленности 29 июня 1936 г.

Резко негативное отношение Сталина к работе Второго Пленума стало очевидным. Возможности для компромисса оказались иллюзорными.

Второй Пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР стал последним мероприятием подобного типа, поскольку нарастающее прозрение хозяйственников разрушало многие мифы сталинской пропаганды. Работа Первого и Второго Пленумов Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР показала глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики у хозяйственной элиты и политического руководства Советского государства.

Трагическая гибель практически всех участников Второго Пленума в годы массовых репрессий стала тяжёлым ударом, но не сокрушительной катастрофой для тяжёлой промышленности СССР. Рациональная, опирающаяся на научные знания, тенденция экономического курса Советского государства, получила мощную «подпитку». Относительно сбалансированная экономическая политика 1933-1936 гг. способствовала достижению значительных результатов: «размораживанию» строительных объектов, вводу в строй

производственных мощностей; выполнению основных производственных заданий Второй пятилетки. В экономическом отношении 1935-1936 гг. стали одним из наиболее успешных периодов предвоенных пятилеток [Хлевнюк, 1996. С.156]. В этом была немалая роль членов Совета при наркомате тяжёлой промышленности. Можно только глубоко сожалеть, что 1937 г. для экономики СССР стал шагом назад, а не движением вперёд.

В экономическую теорию были внесены положения, ставшие основой будущих реформ в промышленности. Государственная программа обязательного технического обучения рабочих, стартовавшая в 1936 г., обрела отчётливые очертания в предвоенные годы. По данным ЦУНХУ СССР за 1936-1940 гг. в промышленности и строительстве различными видами технического обучения были охвачены около 10 млн человек (9 772,4 тыс.)²¹. Однако пренебрежение к человеческому фактору и, в частности, недостаточное понимание высшим руководством СССР значения последовательного прохождения всех промышленных рабочих через стадии технической подготовки привели к тому, что число выпускников КМСТ в промышленности к июню 1941 г. было невелико — порядка 100 тыс. человек [Постников, Фельдман, 2004. С. 104], или 1% от всех промышленных рабочих.

Расширился социум квалифицированных и высококвалифицированных рабочих [Постников, Фельдман, 2004. С. 142-144;153-156]. Новое поколение директорского корпуса в конце 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны смогло опираться на опыт своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

- Грегори П. (2006). Политическая экономия сталинизма. — М.: РОССПЭН.
- Дэвис Р., Хлевнюк О. В. (1994). Вторая пятилетка: механизм смены экономического курса // Отечественная история. № 3. С. 92 — 108.
- Козлов В. А., Хлевнюк О. В. (1988). Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. — М.: Политиздат.
- Красильников С.А. (2016). Отечественная интеллигенция в постреволюционный и раннесталинский периоды: старое и новое в исследовательских подходах // Культура и власть в СССР. 1920–1950 годы: Материалы девятой международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября. — М.:РОССПЭН. С. 28-38.
- Красильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. (2011). Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. Кн. 1. М.:РОССПЭН. С. 10-70.
- Постников С.П., Фельдман М.А. (2004). Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. — Екатеринбург: УРО РАН.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности Союза ССР. (1935). Первый Пленум. — М.-Л.: ОНТИ НКТП.
- Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР. 25-29 июня 1936 г. (1936). — М.: ОНТИ НКТП.
- Фельдман М.А. (2011). Две тенденции государственной политики в середине 30-х гг.: пять дней из жизни Г. К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15 МГУ. С. 86–95.
- Фельдман М.А. (2015). Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопросы истории. № 8. С. 3–19.
- Фельдман М.А. (2022). Первый Пленум: к вопросу о значении Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР в мае 1935 г.// Вопросы теоретической экономики. № 2. С.128–138.
- Фирин М. (1937). Организация заработной платы в тяжёлой промышленности // Плановое хозяйство. № 1. С. 107 — 120.
- Хлевнюк О.В. (1991). 1937 год: противостояние. — М.: Знание.
- Хлевнюк О.В. (1996). Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. — М.: РОССПЭН.
- Davies R. W. (1996). Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.

²¹ РГАЭ. Ф.1562.Оп. 17. Д. 833. Л.3.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)

feldman-mih@yandex.ru

THE SECOND PLENUM (COUNCIL UNDER THE PEOPLE'S COMMISSAR OF HEAVY INDUSTRY OF THE USSR): RETROSPECTIVE (JUNE 25-29, 1936)

Abstract. The article analyzes the work of the Second Plenum (Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR on June 25-29, 1936). Various approaches of representatives of the Soviet leadership to the Stakhanov movement are considered. It is concluded that if for the leadership of the NKTP the Stakhanov movement was the beginning of a phased training and retraining of skilled and highly skilled workers of the industrial era, then for Stalin and his closest associates the Stakhanov movement was already the final result of the previous "growth of the cultural and technical level of workers, and the whole mass of industrial workers is obliged to work at the level of Stakhanov records.

The participants of the Second Plenum, including the People's Commissar, actually condemned a number of myths surrounding the economic policy of the state: about the mass sabotage of engineers and technicians in the development of the Stakhanov movement; about the very practice of setting «Stakhanov records»; about the severity of their consequences. The myth of the Stakhanov movement itself — as the «highest form of labor organization» — was debunked: the indication of the scale of mismanagement in the USSR industry, the low quality of products — had nothing to do with the myth of the notorious superiority of «socialist industry over capitalist».

Keywords: *Stakhanov movement, workers, specialists, party, plenum, industry, directors.*

JEL: B24, N44.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фельдман М.А. Второй пленум Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР: ретроспектива (25-29 июня 1936 г.) // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4. С. 177–192. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

FOR CITATION: *Feldman M.* The Second Plenum (Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR): Retrospective (June 25-29, 1936) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2022. No. 4. Pp. 177–192. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_177_192.

REFERENCES

- Davies R. W.* (1996). *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Davis R., Khlevnyuk O. V.* (1994). Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskogo kursa [The Second five-year plan: the mechanism of changing the economic course] // *Otechestvennaya istoriya*. No. 3. pp.92 — 108. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2011). Dve tendencii gosudarstvennoj politiki v seredine 30-h gg.: pyat' dneij iz zhizni G. K. Ordzhonikidze [Two Trends of state Policy in the Mid-30s: Five Days from the Life of G. K. Ordzhonikidze] // *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie*. Pp. 86–95. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2015). Stahanovskoe dvizhenie: mesto v mificheskoy i real'noj predvoennoj sovetskoj istorii [The Stakhanov Movement: a place in the Mythical and Real Pre-War Soviet History] // *Voprosy istorii*. No. 8. Pp. 3–19. (In Russ.).
- Feldman M.A.* (2022). Pervyj Plenum: k voprosu o znachenii Soveta pri narodnom komissare tyazheloj promyshlennosti SSSR v mae 1935 [The First Plenum: on the question of the significance of the Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR in May 1935] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. pp. 128 — 138. (In Russ.).
- Firin M.* (1937). Organizaciya zarabotnoj platy v tyazheloj promyshlennosti [Organization of wages in heavy industry] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 1. pp. 107 — 120. (In Russ.).
- Gregory P.* (2006). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The political economy of Stalinism]. — Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Khlevnyuk O. V.* (1991). 1937 god: protivostoyanie [1937: confrontation] M.. Knowledge. (In Russ.).
- Khlevnyuk O. V.* (1996). *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gg.* [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s.]. — Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
- Kozlov V. A., Khlevnyuk O. V.* (1988). *Nachinaetsya s cheloveka. CHelovecheskij faktor v socialisticheskom stroitel'stve: itogi i uroki 30-h godov.* [It starts with a person. The human factor in Socialist construction: results and lessons of the 30s.]. — Moscow.: Politizdat. (In Russ.).

- Krasilnikov S. A.* (2016). *Otechestvennaya intelligenciya v postrevolyucionnyj i rannestaliniskij periody: staroe i novoe v issledovatel'skih podhodah // Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950 gody* [The Russian intelligentsia in the post-revolutionary and early Stalin periods: old and new in research approaches] // *Kul'tura I vlast' v SSSR. 1920-1950 gg.: Materialy mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St Petersburg, Oktyabr' 24-26. [Culture and power in the USSR. 1920-1950 years. Proceedings of the Ninth International Scientific Conference St. Petersburg, October 24-26.]. — Moscow: ROSSPEN. Pp.28-38. (In Russ.).
- Krasilnikov S. A., Savin A. I., Ushakova C. H.* (2011). *Shahtinskij politicheskij process 1928 goda: istochniki v kontekste epohi* [Shakhty political process of 1928: sources in the context of the epoch] // *Shakhty process of 1928: preparation, conduct, results: in 2 books. Book 1.* — Moscow: ROSSPEN. Pp. 10-70. (In Russ.).
- Postnikov S.P., Feldman M.A.* (2004). *Gosudarstvo i professional'naya podgotovka rabochih kadrov promyshlennosti Urala v 1900-1940 gg.* [The state and professional training of industrial workers in the Urals in 1900-1940]. — Ekaterinburg: URO RAS. (In Russ.).
- Sovet pri narodnom komissare tyazhëloy promyshlennosti Soyuza SSR.* (1935). *Pervyy Plenum* [Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. First Plenum]. — Moscow.-Leningrad: ONTI NKTP. (In Russ.).
- Sovet pri narodnom komissare tyazhëloy promyshlennosti SSSR. 25-29 iyunya 1936 g.* (1936). *Vtoroy Plenum*. [Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25-29, 1936. Second Plenum]. — Moscow.: ONTI NKTP. (In Russ.).